

Критическіе наброски.

(Патологическая фантазмагорія).

Кажется, никому изъ молодыхъ писателей нашихъ такъ не счастливится въ смыслѣ рыночнаго успѣха, какъ Ан. П. Чехову.

Не успѣли еще забыться послѣдніе два его разсказа *Мужики*, и *Моя жизнь*, въ текущей журналистикѣ, какъ уже передъ нами второе изданіе этихъ двухъ разсказовъ, и притомъ идущее въ публику очень бойко. О *Мужикахъ* мы уже достаточно говорили, когда этотъ хорошо написанный, но жестокий разсказъ представлялъ животрепещущій интересъ минуты. Но о *Моей жизни* говорить не случилось и потому на сегодня поговоримъ именно объ этомъ разсказѣ.

Разсказъ *Моя жизнь*, написанный въ формѣ автобіографіи, представляетъ большія удобства для критики, такъ какъ на немъ всего лучше и яснѣ отразились какъ достоинства, такъ и недостатки спеціально чеховскаго дарованія; кромѣ того, онъ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, по вложенной въ него тенденціи.

Разсказъ этотъ въ числѣ значительныхъ по объему произведеній Ан. Чехова слѣдуетъ признать однимъ изъ слабѣйшихъ, такъ какъ въ немъ даже вышняя наблюдательность измѣнила автору и заставила его грѣшить противъ реальной возможности выставленныхъ въ немъ положеній. У Ан. П. Чехова, при очень острой наблюдательности даннаго положенія, какъ неподвижной картины, почти совсѣмъ отсутствуетъ фантазія въ движеніи, т. е. та перспективная фантазія, которая сохранила бы достаточно логики при описаніи героевъ въ ихъ послѣдовательныхъ дѣйствіяхъ и продолжала бы казаться все также реально-правдивой, какою она несомнѣнно кажется при описаніи только однихъ законченныхъ положеній, какія бы эти спокойныя положенія ни были и какъ бы исключительны ни казались. Изъ этого недостатка, главнымъ образомъ, вытекаетъ особенность дарованія нашего прекраснаго беллетриста: неумѣнье связывать дѣйствіе по его причинности, почему всѣ его значительныя по объему произведенія кажутся сшитыми все изъ тѣхъ же отдѣльныхъ очерковъ, связанныхъ между собою только одними и тѣми же именами дѣйствующихъ лицъ. Каждая глава такого произведенія, взятая отдѣльно, представляетъ очень мило и правдиво написанную сценку, но совокупность ихъ даетъ впечатлѣніе смутное, вполне лишенное какой-либо цѣлостности и не удовлетворяющее читателя. Это вполне можетъ быть распространено на всѣ значительныя произведенія Ан. П. Чехова.

Но нигдѣ этотъ недостатокъ не выражается такъ рѣзко, какъ въ разсказѣ *Моя жизнь*. Тутъ дѣло идетъ о страданіяхъ молодого дворянина, сына извѣстнаго и состоятельнаго провинціального архитектора, имѣющаго свой домъ на лучшей улицѣ губернскаго города, съ населеніемъ, превосходящимъ шестьдесятъ тысячъ, который, переѣхавъ девять мѣстъ такъ называемой интеллигентной службы, дѣлается самымъ ординарнымъ маляромъ и находитъ успокоеніе и даже радость, окрашивая крыши или намазывая клейстеромъ обои. Послѣднее мѣсто—телеграфиста на строящейся дорогѣ—герой разсказа получаетъ у инженера, богача и грубіяна, который, не стѣсняясь, поноситъ его, можно сказать, послѣдними словами и упрекаетъ протекціей. И вотъ неожиданно для читателя, да кажется, и для самого автора, г. Чехову приходитъ внезапная фантазія женить этого опростившагося нищаго, босоногаго маляра, на дочери этого же инженера, двадцатипятилѣтней дѣвчѣ, очень образованной, любящей туалеты и притомъ имѣющей еще несомнѣнные спеническія дарованія и прекрасный голосъ. Мы совершенно не постигаемъ, какъ могла произойти подобное бракосочетаніе, но авторъ показываетъ намъ своего маляра съ супругой, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ въ разоренномъ имѣніи, купленномъ инженеромъ, къ которому маляръ чувствуетъ отвращеніе и въ которомъ его великолѣпная Маша имѣетъ только чисто книжныя теоретическія знанія, никогда не примѣнявшіяся ею на практикѣ. Изъ своего дома молодые супруги ходятъ ночевать на мельницу и спать тамъ подъ полусубками. Рано утромъ они же тащутъ мельникову вершу съ однимъ окуномъ. Утро и мѣстность, когда и гдѣ они совершаютъ это вытаскиваніе верши и самыя фигуры опростившихся господъ, написаны г. Чеховымъ, по обыкновенію, прекрасно. Но какъ все это вяжется вообще съ общей тенденціей романа, рѣшительно понять нѣтъ возможности! Точно также есть очень характерная сцена, когда мужики, взявшіеся возить дѣсь, подаренный господами на новую школу, привозятъ свои возы на дворъ къ молодымъ супругамъ, требуютъ водки и затѣмъ, послѣ выпивки, какъ ни въ чемъ не бывало, поворачиваютъ оглобли и ѣдутъ далѣе.

Все это написано также картинно и сочно, въ смыслѣ простой сценки изъ народнаго быта, но въ общемъ ходѣ разсказа эти мужики съ подводами кажутся совершенно невозможными. Любопытно, что молодые супруги эти, проживъ болѣе полугода вмѣстѣ, совершенно, какъ будто, не нуждались ни въ какой прислугѣ. Имъ никто обѣдовъ не стряпаетъ, за чистотой не наблюдаетъ, а все это происходитъ какъ бы въ какихъ-то туманахъ и облакахъ. Во время свадьбы отсутствуетъ и отецъ жениха, и отецъ невесты, шаферами являются деревенскіе ж

БОЛЬШ. МАГ.

уг. Невскаго и Л.

Н. К. О

Имѣть въ настоящее время громадный
ЗЫ, ЗЕРКАЛЪ, КАРТИН
Предметовъ РОСКОШИ и НЕОБХ
фабрикъ, такъ и
по цѣнамъ

10106

Изданія книжнаго ма

С.-Петербургъ.

Популярныя рѣчи пр

Переводъ съ нѣмецк. подъ ред. О.
145 ст. съ 16 рис. 1896. Цѣна 1 р., съ пер.
Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.
Содержаніе: I. О взаимодѣйствіи
О цѣли и объ успѣхахъ естество
довъ Фарадея на электричество.
пѣхи теоріи зрѣнія.—Вихревыя бу
системы.

КНИГА ЗДОРОВЬЯ

Общедоступная
Переводъ К.

латова. 263 стр. съ 52 рис. и 2 раскр. та

10105

МОСКОВСКО

ЖЕЛ. Д

Согласно Высочайше утвержденно
тета министровъ, правленіе общества
честь увѣдомить гг. акціонеровъ, что
собранія будутъ:

а) Обыкновен

- 1) Разсмотрѣніе и утвержденіе
Московско-Рязанскаго отдѣленія дороги
- 2) Разсмотрѣніе и утвержденіе см
Рязанско-Казанскаго отдѣленія дороги
1898 годъ.
- 3) Избраніе, согласно пар. 38 у

бой комиссіи.

б) Чрезвычай

Разсмотрѣніе и утвержденіе смѣты
водству въ 1898 году изъ суммъ запас
О двѣ общаго собранія послѣдуетъ

10092

парни, тоже не нарисованные подробно. Отсутствуетъ духовенство, даже въ смысѣ статистовъ, и потому все дѣйствіе кажется еще болѣе фантастичнымъ. Надо къ этому прибавить, что женихъ, не смотря на глубокую рознь въ понятіяхъ съ отцомъ, и невѣста, въ свою очередь, оба по своему любятъ и даже уважаютъ своихъ родителей. Параллельно этому главному роману въ рассказѣ идетъ еще другой, гдѣ женатый докторъ, имѣющій троихъ дѣтей, вступаетъ въ связь съ сестрой маляра, которая изъ покорной и заботливой строгимъ отцомъ дѣвушки вдругъ превращается въ любовницу доктора. Бываетъ это, только не такъ и не съ тѣми, какъ повѣствуетъ г. Чеховъ!

Если же взять отдѣльныя фигуры разсказа, на примѣръ, вѣчно страдающаго и собирающагося умирать подрачка малярныхъ работъ, благочестиваго Рѣдью, или рѣзкую фигуру туповатаго архитектора-отца, или прелестную фигуру сестры доктора Анюты Благово, въ тайнѣ любящую опростившагося маляра, наконецъ — даже старой няни, у которой, до поры до времени, живутъ опростившіяся и опустившіяся дѣти важнаго зодчаго, — то всѣ онѣ написаны превосходно, съ тѣмъ неподражаемымъ объективизмомъ, секретъ котораго находится только въ дарованіи крупнѣйшихъ художниковъ.

Въ концѣ концовъ, когда вы дочитываете повѣсть, передъ вами стелется какой-то туманъ, изъ котораго то тамъ, то здѣсь смотрятъ на васъ живыя лица, временами мѣняющія свое выраженіе, и даже рисуются сцены и событія, но между фигурами этими и ихъ послѣдовательными выраженіями, и тѣми ролями, какія они играютъ въ разныхъ главахъ романа, нѣтъ рѣшительно никакой логической связи. Все тутъ произвольно, и видимо, что при началѣ писанія самъ авторъ рѣшительно не имѣлъ никакихъ твердыхъ и опредѣленныхъ творческихъ намѣреній, а нанизывалъ сцену за сценой, какъ это ему хотѣлось, мало спрашиваясь съ общимъ планомъ и съ общей архитектуроникой всего разсказа. Замѣчу еще, что для лицъ, имѣющихъ основательныя познанія въ малярномъ мастерствѣ, этотъ же разсказъ нехорошъ еще тѣмъ, что авторъ самъ объ этомъ мастерствѣ имѣетъ самыя смутныя, чисто вышнія понятія, и потому пишетъ вещи фактически невозможныя. На примѣръ, онъ окрасилъ церковные купола безъ приспособленій, что конечно немислимо, не только для всегда большаго Рѣдью, но и для заправскаго эквилибриста-акробата. Точно также, тѣ маляры, которые *инатлюютъ* иконостасы подъ позолоту, относятся къ малярамъ, красящимъ стѣны и крыши, какъ столары краснотеревцы къ столарамъ рыночнымъ — этой разницы г. Чеховъ не знаетъ. Наконецъ, для оклейки обоями сколько-нибудь высокой и порядочной комнаты при малярѣ обязательно долженъ быть мальчикъ, безъ котораго

маляръ одинъ не сладитъ со своей работой. Между тѣмъ, при мальчикѣ не могла бы произойти сцена встрѣчи маляра Мисаила съ будущей его супругой Машей великобѣдной, какъ это описано у г. Чехова. Далѣе, невѣроятно, чтобы старшина клуба, въ которомъ отецъ опростившагося Мисаила навѣрно состоитъ членомъ, если даже не старшиной, посулилъ бы ему *начистить морду* за нежеланіе дать фальшивую расписку на увеличенномъ счетѣ за работу по ремонту залъ и помѣщеній клуба. Подобные счета подписываются черезъ третьихъ лицъ, и никогда при этомъ не присутствуетъ самъ фальсификаторъ, такъ какъ это было бы ему болѣе чѣмъ рискованно. Наконецъ, такіе счета и не подписываются малярами-подещниками. Слѣдовательно, все это — невѣрныя и невозможныя натяжки.

Вотъ причины, почему разсказъ г. Чехова *Моя жизнь* долженъ быть отнесенъ къ числу произведеній неудачныхъ, независимо отъ нѣкоторыхъ заключающихся въ немъ красотъ.

II.

Тѣмъ не менѣе, дорогіе читатели, этотъ же самый неудачный разсказъ очень интересенъ и поучителенъ въ числѣ текущихъ произведеній нашей литературы. Самая его туманность, хаотичность даже, какъ нельзя лучше отбѣняетъ характернѣйшія особенноти вложенной въ него тенденціи.

Во дни нашего современнаго существованія, не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ, въ степени еще болѣе, невольно замѣчается явленіе какой-то странной, поражающей сумятицы въ мысляхъ и поступкахъ челоѣческихъ. Иной разъ, наблюдая эту сумятицу, — конечно, если самъ въ ней волею или неволею не участвуешь, — кажется, что передъ тобой маются слѣпцы, потерявшіе своихъ поводырей и уронившіе даже палки. Каждый ищетъ собственнаго пути, сталкивается съ сосѣдями и тѣвпадаетъ въ экстазъ восторга и вѣритъ въ спасеніе въ виду неминуемой гибели, то, напротивъ, преисполняется влужнымъ и несправедливымъ негодовіемъ и, забывая о своей слѣпотѣ, вступать храбро въ бой со встрѣчными и позречными, также слѣпцами! Это явленіе можно наблюдать теперь и въ маломъ, въ болѣе, и въ дѣлахъ первостепенной важности, и въ чистыхъ пустякахъ. При этомъ мы вовсе не боимся явленій серьезно грозныхъ, разъ соизмѣмъ себѣ грозные призраки изъ разныхъ соломенныхъ чучелъ, которыхъ не ялся бы и серьезный воробей. За грицей, гдѣ мысль устойчивѣе, яснѣе и свободнѣе, чѣмъ у насъ, ученые уже произносятъ страшное слово — «вырожденіе», но мы еще уповаемъ и надѣемся, го все это вскорѣ упрядочится, — стѣтъ только найти хорошаго поводыря, который велъ бы насъ опять на пу здраваго сужденія, опыта и факта, и далъ бы

сдому спасительный посохъ въ руки, того, чтобы и на прямомъ и логич- нъ пути не зайти въ ту или другую чайную яму...

Въ числѣ такихъ смущающихъ насъ вопросовъ не малую роль играетъ во- просъ о свободномъ или интеллигент- нъ трудѣ. Никто не хочетъ видѣть, никакого особеннаго *интеллигентнаго* да на свѣтѣ не существуетъ, что трудъ полезный и трудъ бесполез- нъ, есть трудъ полезный и въ то же время пріятный, и есть трудъ бесполезный, очень намъ пріятный. При этомъ, нъ трудъ по результатамъ своимъ по- нѣ обществу, тѣмъ условія рабочаго нѣ въ экономическомъ отношеніи, нъ достать и сохранить постоянную ра- ну легче, хотя обыкновенно эти полез- нѣ работы оплачиваются на деньги нѣго менѣе. Въ этомъ же разрядѣ, не- пріятные, но полезные труды достаются долю наименѣе одаренныхъ и наименѣе чливыхъ. Напротивъ, трудъ, условно по- зный и пріятный, хорошо оплачиваемый, нѣчно, достается избраннымъ и счаст- вымъ и, являясь несомнѣнной удачей жизни, способенъ вызывать зависть иженныхъ и обдѣленныхъ. Мало-по- зныхъ и неприятныхъ работъ не вааетъ, при естественныхъ поряд- хъ, конечно, потому что для такихъ ботъ не нашлось бы рабочихъ. Между мъ, люди, смотрящіе на работу не съ номической точки зрѣнія, но еще и ебующіе какой-то специально-прав- венной работы, не замѣчаютъ, что они пускаютъ существованіе мало-полез- нъ и въ то же время *непріятныхъ* ботъ. Вотъ изъ этого-то логическаго дѣвленія и вытекаютъ всѣ страданія и нѣ неудачи и разочарованія маляровъ нъ дворянъ, или рабочихъ изъ интеллигент- нъ земледѣльческихъ колоній. Въ этихъ учаяхъ нарушаются рѣшительно всѣ конны природы, ну, а когда такіе за- ны нарушаются, то природа-матушка, рогаая съ нарушителями, не думаетъ ремониться и доказываетъ, чѣмъ и нъ попало, что эти ея *непреложные* конны нарушать безнаказанно никому нъ смертныхъ не позволено. Конечно, нъ пестротѣ жизни, надо дать мѣсто и нкетамъ, которые сознательно могутъ орить себя голодомъ, могутъ спать на оздахъ, носить бессмысленныя и не- нужныя вериги. Но ихъ область работы нъ земная, они земныхъ цѣлей не пре- рѣдуютъ, поэтому къ нимъ наши сужде- нѣ не относятся, да и экономической брки къ нимъ не прикладываютъ, нъ какъ личное подвижничество, во имя чной же святости, не общепользное ло, а подвигъ, для котораго Богъ аетъ подвижнику и особыя силы, и осо- ые импульсы, да и вознаграждаетъ за о сторицею не денежною. Во всѣхъ стальныхъ случаяхъ каждый самый про- той мостовщикъ, маляръ и плотникъ редпочитаютъ мягкую постель булыжной остовой, кровать—грязной канавѣ, хо-

рошій обдѣлъ—черствому куску хлѣба. Если же они спать на мостовой или въ канавѣ, ѣдятъ тюрю съ квасомъ, то не потому, что это имъ нравится, а потому, что это — *единственные возможные* для нихъ способы отдыха и прокормленія, и притомъ только въ данную минуту. Напротивъ, убѣжденные маляры изъ дворянъ въ этихъ — то самыхъ камен- ныхъ ложахъ и черствой коркѣ и ви- дятъ главные элементы *честной* работы, и потому, дѣлая по капризу и подража- нію то, что настоящей рабочей дѣлаетъ по нуждѣ, они просто являются людьми безразсудными вообще, а часто просто глу- пыми. Не выходитъ тутъ ни подвига лич- ной святости, ни дѣйствительной работы, но выходитъ голая чепуха и притомъ чепуха и съ экономической точки зрѣнія, лишенная всякой святости. Достаточно указать, что вѣдь Мисаиль Полозовъ, пращѣ котораго былъ генераломъ, сра- жавшимся при Бородинѣ, и отецъ кото- раго имѣетъ домъ на лучшей улицѣ, стано- ваясь въ ряды босоногихъ маляровъ и поденщиковъ, таскающихъ землю за 20 к. въ сутки, отнимаетъ эти двадцать копѣекъ у такого человѣка, у котораго и пращѣ- генерала не было и у отца котораго даже и угла нѣтъ, т. е. такого чело- вѣка, которому некуда податься и нечего дѣлать, если ему не дадутъ возможности махать кисть въ ведро съ краской и ма- зать ею по плоскости крыши. Вѣдь съ этой точки зрѣнія, *малярія* Мисаила, какъ говорила его жена Маша, въ са- момъ дѣлѣ только нравственная малярія и ничего болѣе. Другое дѣло отецъ Маши, инженеръ, который, показывая крутую шею и мозолистыя руки, не стѣ- сняясь кричить, что былъ и машинистомъ, и смазчикомъ, прежде чѣмъ стать бога- тымъ инженеромъ. Этотъ шелъ въ черно- рабочіе только за тѣмъ, чтобы знать на собственной шкурѣ, что это за рабо- та, и главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы уже никогда, даже при несчастіи, не по- пасть въ число маляровъ не по призванію, а по неизбежной нуждѣ. И вотъ онъ, разбогатѣвъ, сталъ нанимать себѣ слугъ и рабочихъ, для всего полезнаго, но неприятнаго какъ работа, а самъ за- нялся организаціей ихъ работы, получая для себя львиную долю изъ общаго за- работка. Это—разумно экономическая цѣль, но исполнѣ лишенная какой бы то ни было нравственной подкладки.

Изъ такого разсужденія, слишкомъ ко- роткаго поневолѣ, уже хорошо видно, что одна и та же простая работа въ рукахъ интеллигента можетъ быть актомъ исполнѣ цѣлесообразной и разумной воли, или явленіемъ *патологическаго* недомыслия, т. е. явленіемъ психопатическимъ. По- лезность разсказа г. Чехова и опре- дѣляется болѣе всего тѣмъ, что у него, помимо, можетъ быть, собственной воли, эта дѣйствительная сторона подвига по- добной добровольной *маляріи* потомка бородинскаго генерала, ярко выступаетъ въ сознаніи даже и не очень вниматель-

наго читателя. Мисаиль въ концѣ раз- сказа на самомъ дѣлѣ превращается въ рядчика и надѣдаетъ своимъ наставле- ніями своимъ же подручнымъ рабочимъ. Въ чемъ же результатъ подвига, заста- вившаго его предпочесть общество без- грамотныхъ, пьяныхъ и вороватыхъ ма- ляровъ высшему обществу чиновниковъ, управляющихъ и телеграфистовъ? Въ концѣ концовъ все то же *начальствованіе* надъ меньшими и младшими, и все то же *сваливаніе* неприятныхъ работъ со своихъ рукъ на руки еще не оперившихся.

А между тѣмъ, ради этого пустѣйшаго и жалкаго результата, погибаетъ хорошая дѣвушка, его сестра, огорченъ хоть и бездарный архитекторъ, но все же *страдающій человекъ* и отецъ,—также молча несетъ тяжелый незаслуженный крестъ свѣтской монахини любящая этого нелѣпаго маляра Анята Благово.

Для чего же было огородъ городить? Для чего было бросать вѣрное и при- вычное ради случайнаго, ненужнаго ма- стерства, практикуемаго обезлеченнымъ и богатымъ человѣкомъ во вредъ тѣмъ, кому оно нужно въ самомъ дѣлѣ?! Развѣ поступки подобнаго реда не слѣпота, не потеря поводыря—*сознанія*, и не по- теря разума—*посоха*?

Въ заключеніе скажу, что мнѣ лично— странное стремленіе къ какимъ-то спе- ціально благороднымъ физическимъ ра- ботамъ, будто бы единственно полезнымъ и честнымъ въ нашей русской средѣ, кажется простымъ атавизмомъ номад- наго характера. *Бродяжничество* и не- посѣдливость—коренныя свойства русскаго народа, высказываются и въ этой формѣ, такъ какъ психическій элементъ такихъ опрошеній очень хорошо исчерпывается стремленіемъ куда-то уйти, и притомъ не отъ кого-либо, а главнымъ образомъ отъ *самого себя*, и притомъ такъ уйти, чтобы порвать всякія связи съ мѣстомъ, гдѣ уходящій почему-либо только-что нахо- дился. Въ нѣкоторомъ родѣ это—всегда героическое отступленіе съ завоеванныхъ позицій, съ сожиганіемъ мостовъ и безъ преслѣдованія воображаемаго неприятеля.

Желающимъ провѣрить правильность этой мысли, я рекомендовалъ бы про- честь въ сборникѣ того же автора *Сумерки*—разсказъ *Мечты*. Тамъ вы- ставленъ типъ бродяги, въ которомъ каждый мало-мальски опытный и внима- тельный читатель найдетъ тѣ же самыя черты, какія онъ встрѣчаетъ въ малярѣ Мисаилѣ Полозовѣ, написавшемъ повѣсть о своей жизни.

Бродяжничество—вотъ основа движе- нія, называемаго у насъ вѣжливо не движеніемъ на Удѣльную, но движеніемъ въ народъ. Народу же истинному—отъ такого движенія только холодно и ни- чего больше.

Н. Ладомскій.